

КОГДА в один из дней осени 1996 года московские театралы собрались на премьеру новой труппы, вряд ли они и думать смели, что станут свидетелями рождения театра, что им — символом русской специфической культуры.

А поначалу их, достойных и искусных, наверное, раздражало все: занавес не поднимается, а раздвигается, после третьего звонка в зал не пускают. И в самом названии было что-то раздражающее: способ от задулись: Московский Художественно-общедоступный театр...

Во многом история нашего театра — это история МХАТа, его актерские судьбы, его режиссерские открытия.

Один лишь перечень спектаклей — «Царь Федор Иоаннович», «Чайка», «На дне», «Братья Карамазовы», «Дни Турбиных»: «Бронепоезд 14-69» — лишь один перечень может объяснить, как этот театр искал, как он боролся, как он жил.

Он жил жизнью непонятной, диковинной. Известные критики, такие, как А. Кудель, отказывали ему в праве слыть театром. Они имели свое представление о сцене. Блестящие режиссеры Гордон Круг, В. Майерхольд не смогли работать в этом театре. Одним он казался слишком уж новаторским, другие считали его уже достаточно традиционным, третьи полагали, что ему уготована недолгая память в искусство, — а он жил своей жизнью. Эту жизнь понимали те, для кого этот театр стал доступным — общедоступным.

Когда 75 лет назад молодой Илья Москвитин вышел на сцену Художественного театра царем Федором Иоанновичем, Москва обмерла. Такой театральности на театре она не видела, пожалуй, со времен Мочалова. Тщедушный, убогий, сам с троюм предоставляющий,

паря, он или не даря, Федор Иоаннович И. Москвитин стал не только его высочайшим актерским достижением, но и достижением всего театра, всей той театральной эпохи. «Художественный театр» — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный, как все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление, ей-богу, — писала Горький Чехову.

Именно эта сила позволила МХАТу вырваться из тени «позорного десятилетия» (М. Горький), преодолеть эпоху безвременья, чтобы потом, много лет спустя, прийти в лучшем своем спектакле — «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова, «Дни Турбиных» Михаила Булгакова, «Дети Карантины», «Мартышка Душа».

Награда же, в любом случае, каким бы мучительным, значительным, редким он ни был, есть

есть со всей непреложностью бытия, со всей естественностью процесса обновления, к которому МХАТ стремился всю свою бесчисленную жизнь. Молодость эта видна во всем. И в репертуаре, который исполнялся пьесами М. Рошнина «Валентин и Валентина», Е. Рамзина «Обреченный счет», Е. Бомарева «Стадениры». И в актерском составе — а пропавшим сезона сюда пришло молодое пополнение — курс под руководством народного артиста СССР П. Массальского.

Заботой о сегодняшнем зрителе, круте проблем, занимающих тревожащих его, продиктовано обращение театра к современной драматургии — будь это «Душныя Тобоска» А. Володина, «Старый новый год» М. Рошнина, «Лошадь Пржевальского» М. Шатрова (сейчас этот спектакль находится в работе), «Одаль паши» З. Володарского.

МХАТ иногда упрекали в попытке остановиться, замирать в рамках незыблемых законов, выстраивая системы. Что ж, доля истины в этих упреках была. Но что-то же оставалось театру. У Художественного всегда было и есть свое, настолько оригинальное лицо, что время от времени оно довлело над выбором репертуара, над отбором средств специфической выразительности. Тем более пален тот решительный поворот к качественно новому репертуару, к совершенно новым, но все тем же михайловским приемам актерской игры.

Не знаю, как со временем изменится режиссерский и актерский стиль этого театра, какими он будет, не знаю. Но одно известно точно: это будет театр держкий, смелый, дискуссионный и ищущий. Таким, каким он был — все семьдесят пять лет своей жизни.

В. ТУРОВСКИЙ.

НА СНИМКАХ: сцена из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты».

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

К 75-летию МХАТа
СССР им. М. Горького

Художественный театр родился. Чеховская «Чайка» — не понятая Александринским театром, естественная петербургским зрителем, она, казалось, уже не могла вернуться на сцену.

Но — возрожденная талантом Станиславского, Англией. Книппер — вернулась. Чтобы надолго, навсегда стать символом широкого парения, поиска и творческого риска.

Художественному театру свойственна особая контактность со зрительным залом. Рампы будто и не существуют, будто нет никакого театра, а есть близкий, родной дом сестер Прозоровых, есть изба убогого Акима из «Власти тьмы», дом Турбиных на таком Алексеевском спуске в Киеве...

Вот это постоянное ощущение друг друга, постоянная потребность говорить на равных со зрителем о его бедах, радостях, предлагают театру особую силу.

Крупная грусть. Что значат 75-летия МХАТа? Всемирную известность? Непредельную любовь? Энергичную любовь? Да, конечно. Но это еще и память. Память о тех, кто создавал театр, кто жил, дышал им, кто умирал просто на его подмостках. О тех, кому не судилось было увидеть этот праздничный день своего театра.

Мы начнем вспоминать имена, а за именами — целая история театра, целая эпоха. Константин Станиславский, Владимир Немирович-Данченко, Николай Хмелев, Василий Качалов, Николай Баталов, Алла Тарасова, Василий Топорков. Одно слово — эпоха. Одно слово — история!

Свой новый, семидесятый сезон Художественный театр начал не в старом здании, а в новом, что на Тверском бульваре. В этом тоже есть своя символика, свой особый смысл: начинается вторая молодость театра. Она выра-

